

В. А. ВИКТОРОВИЧ *

«БЫЛИ БЫ БРАТЬЯ...»:

М. М. ДОСТОЕВСКИЙ КАК ПРОТОТИП РАЗУМИХИНА

Ключевые слова: Ф. М. и М. М. Достоевские, роман «Преступление и наказание», прототип Разумихина, типы деловитости.

Впервые (если не считать малообоснованное предположение М. С. Альтмана об И. Умнове) ставится вопрос о прототипе Разумихина в романе «Преступление и наказание». Целый ряд выявленных параллелей позволяет с уверенностью утверждать, что в формировании характера и жизненной философии данного героя «участвовал» старший брат писателя М. М. Достоевский. «Одаренный жизненностью» — так характеризовал его Ф. М. Достоевский. Важная для новой России тема деловитости получила художественное решение в этом образе.

В июле 1840 г. курсант Инженерного училища Ф. М. Достоевский, будучи в разлуке и в «расстройстве в нашей неразрывной дружбе» (28₁, 74) со старшим братом Михаилом, пишет ему: «... ах! ежели бы ты знал, как я одичал здесь, милый, добрый друг мой! любить тебя это для меня вполне потребность. Я совершенно свободен, не завишу ни от кого; но наша связь так крепка, мой милый, что я, кажется, сросся с кем-то жизнью» (28₁, 76). Редко кому Достоевский говорил такие слова.

Михаил Михайлович Достоевский был на год старше Федора, родился в 1820 г. и рано умер — в 1864. Известный журналист, вместе с братом издавал журнал «Время», а после запрещения «Времени» до своей смерти — «Эпоху». Прозаик, критик, переводчик, его переводы до сих пор входят в антологии: «Дон Карлос» и «Разбойники» Шиллера, «Рейнеке-Лис» Гете, «Последний день приговоренного к смерти» Гюго...

Интересны взаимоотношения братьев¹. Скажем, Толстой очень любил своего брата, тяжело переживал его смерть, что отразилось в «Анне

Владимир Александрович Викторovich, д-р филол. наук, профессор кафедры литературы Государственного социально-гуманитарного университета — VA_Viktorovich@mail.ru.

¹ Из новейших работ на эту тему см.: Дудкин В. В. Михаил и Федор Достоевские: феномен братства // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2010. № 27. С. 9–20; Фокин П. Е. «Брата моего я любил бесконечно...» // Неизвестный Достоевский. 2014. № 1/2. С. 12–27.

Карениной» в линии братьев Левиных. Были и литературно одаренные кровники: Аксаковы, Киреевские, Майковы, Чеховы, Соловьевы, Бунины... Братья Достоевские — особенная статья: не только любящие братья, но и соратники-единомышленники наподобие Константина и Ивана Аксаковых. Их переписка в 1840-е гг. — пожалуй, единственный такого рода документ, который дает представление о духовных истоках великого писателя. В.Л. Комарович в свое время предлагал отдельно издать переписку братьев Достоевских², этот проект отчасти реализовал К.А. Баршт в составе издания «Бедных людей» в «Литературных памятниках», где в качестве дополнения даны письма писателя к брату. Переписка братьев Достоевских — своеобразный роман в письмах. В этой переписке во многих отношениях выковывался литературный дар Достоевского³.

Братское участие многие годы поддерживало Ф.М. Достоевского. Оно приобрело для него некий экзистенциальный смысл. Так, он пишет брату, что человеку «необходима дружба», чтобы не «пасть духом» (28, 75). Они и были — сообщающимися сосудами жизненной, духовной энергии.

При всей близости братья были очень разными людьми. Третий брат, Андрей Михайлович, вспоминал: «Оба старшие брата были погодки, росли вместе и были чрезвычайно дружны между собою. Дружба эта сохранилась и впоследствии, до конца жизни старшего брата. Но, несмотря на эту дружбу, они были совершенно различных характеров. Старший брат Михаил был и в детстве менее резв, менее энергичен и менее горяч в разговорах, чем брат Федор, который был во всех проявлениях своих настоящий огонь, как выражались наши родители»⁴. А вот суждение дочери Михаила Михайловича, Екатерины Михайловны Достоевской: «В противоположность своему брату Федору, [отец] очень ровен и сдержан в обращении с людьми — никогда не выходил из себя»⁵. В связи с этими последними словами вспоминается суждение Ф.М. Достоевского о том, чего иногда стоила старшему брату его сдержанность. Достоевский написал о нем две статьи — первую сразу после его смерти, а в 1876 г. в «Дневнике писателя» вернулся к теме и написал вторую. Даже этот факт говорит о том, насколько значимой для него всегда была их связь. Он говорит в первой статье «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском»: «К несчастью, характер

² Комарович В.Л. Литературное наследие Достоевского за годы революции // Литературное наследство. 1934. Т. 15. С. 274.

³ О значении переписки братьев Достоевских в генезисе «Бедных людей» см.: Баршт К.А. Литературный дебют Ф.М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф.М. Бедные люди / Изд. подг. К.А. Баршт. М., 2015. С. 393–399 и др. (сер. «Литературные памятники»).

⁴ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / Ред. и вступит. ст. А.А. Достоевского. Л., 1930. С. 43.

⁵ Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского: 1506–1933. М., 1933. С. 94.

покойного был в высшей степени восприимчивый и впечатлительный. При этой восприимчивости впечатлений он мало доверял их другим, хранил их в глубине себя...» (20, 124). Добавим: в отличие от взрывного и открытого характера младшего брата.

Дополнительные краски находим в воспоминаниях А.Е. Ризенкампа: «Он (Ф.М. Достоевский. — В.В.) был далеко живее, подвижнее, горячее степенного своего брата, который при совместном жительстве нередко его удерживал от неосторожных поступков, слов и вредных знакомств <...>. Михаила Михайловича я никогда не видел сердитым; в минуту неудовольствия он разве пустит, бывало, какую-нибудь тонкую, нередко едкую насмешку; это был человек общества, <...> вследствие природной доброты всегда склонный к оптимизму; Федор Михайлович <...> часто смотрел на все сквозь черные очки...»⁶

Ключ к особенностям характера Михаила мы находим в письме Федора начала 1847 г.: «Счастлив ты, что природа обильно наделила тебя любовью и сильным характером. В тебе есть еще крепкий здравый смысл и блестящие бриллиантового юмора и веселости. Все это еще спасает тебя» (28₁, 138). Обратим внимание на это свойство, к которому мы еще вернемся: спасительность юмора и веселости. Дальше Достоевский рассуждает о собственной проблеме. Он говорит о том, что *внешние* интересы должны уравнивать *внутренние*, иначе «внутреннее возьмет слишком опасный верх. <...> Начинаешь бояться жизни» (28₁, 138). Страх жизни, который знавали оба, уравнивался природным жизнелюбием старшего брата. По предположению В.С. Нечаевой, «контрастные образы двух друзей Шумкова и Нефедевича в “Слабом сердце” отразили характерные черты Михаила и Федора Достоевских»⁷.

Интересен один эпизод из ранних лет, рисующий характеры братьев. В начале 1840-х гг. Ф.М. Достоевский решает стать профессиональным литератором. Это было очень рискованное решение. Надо было расплатиться с кредиторами. И он просит свою часть наследства у опекуна. Опекун, Петр Карепин, муж сестры Веры, был недалеким и занудным резонером. Некоторые биографы предполагают, что Карепин послужил прототипом Лужина в «Преступлении и наказании»⁸. Сравним письма к нему Федора и Михаила. Федор сразу же попадает в конфликтную ситуацию, а вот Михаил ведет себя иначе. Поначалу он выставляет высокие мотивы: Федору следует помочь, потому что его решение, как он пишет, есть великое самопожертвование своему

⁶ Ризенкамп А.Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 177.

⁷ Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время»: 1861–1863. М., 1972. С. 18.

⁸ См.: Комарович В.Л. Литературное наследие Достоевского за годы революции. С. 273, 281; Долинин А.С. [Комментарии] // Достоевский Ф.М. Письма: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 448.

призванию. Но, учитывая характер Карепина, он не забывает вставить: «Выгоднее этого для нас ничего не может быть. <...> Вы ведь и без того ему в год перешлете почти столько же»⁹. Очевидно, не первое соображение, а именно второе оказалось самым убедительным аргументом для прижимистого опекуна, и Михаилу удалось реализовать этот замысел, который позволил брату начать литературную деятельность. Михаил сыграл здесь, возможно, решающую роль благодаря своим способностям применяться к обстоятельствам.

Пора, наконец, сказать, что отношения между братьями Достоевскими сильно напоминают нам отношения Разумихина и Раскольникова в «Преступлении и наказании»¹⁰. И дело не только в ранних планах совместной переводческой деятельности Михаила и Федора, в романе представленной несколько пародийно (вольные, мягко выражаясь, переводы с немецкого Разумихина якобы «улучшают» тексты подлинников, а выход Раскольникова из сего доходного предприятия вызван его умопомрачительной «идеей»)¹¹. Параллели обнаруживаются не только на фабульном уровне, сколько на уровне характерологии. Вот, например, такая ситуация: Раскольников задолжал квартирной хозяйке. Он раздражен, озлоблен, ладить с кредиторами не умеет, и в результате вексель взыскан к платежу. Ему грозит долговая яма, и только хлопотун Разумихин умело улаживает дело. Практичность Разумихина естественным образом преодолевает те препятствия, которые Раскольникову казались непреодолимыми и ожесточили его. Самохарактеристику Михаила в письме к брату мог бы вполне повторить и Разумихин: «...я человек решительный и в трудные минуты не задумаюсь»¹².

Соотношение Разумихина и Раскольникова в «Преступлении и наказании» — важная антиномия романа. Раскольников однажды говорит Соне, что он решил на преступление отчасти и по бедности, но этот аргумент он сразу же отменяет: «Работает же Разумихин!» (6, 320). То

⁹ Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / Публ. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. С. 368.

¹⁰ Вопрос о возможном прототипе Разумихина всерьез не ставился. М. С. Альтман предположительно называет «сверстника братьев Достоевских Ивана Умнова», но за отсутствием точных о нем сведений аргументом может быть лишь созвучие фамилий (см.: *Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 191). Л. П. Гроссман указывал на автобиографичность издательских планов Разумихина (см.: *Гроссман Л. П.* Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1935. С. 18).

¹¹ «Позднейшее отношение Достоевского к переводческой деятельности отразилось в “Преступлении и наказании”» (*Барут К. А.* Примечания // Достоевский Ф. М. Бедные люди. С. 707). Об автобиографических аллюзиях в судьбе Раскольникова см.: *Барут К. А.* Литературный дебют Ф. М. Достоевского // Там же. С. 439, 451.

¹² Письма М. М. Достоевского / Ред., вступит. ст. и коммент. А. С. Долинина // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 544.

есть Разумихин в схожей ситуации находит какие-то способы выживания, он как-то умеет приспособиться к жизненным обстоятельствам, не теряя лица.

В черновых записях к роману Достоевский намечал следующую программу этого характера: «Капитальное. NB: Разумихина выстав-лять постоянно хлопотуном» (7, 187), «Разумихин хлопотун, но он добр» (7, 78). Очень важно это последнее уточнение, потому что в ро-мане вполне развернулся еще один хлопотун, преуспевающий Лужин, принцип которого — возлюби прежде всех одного себя. Разумихин же хлопочет о Миколке, пытаясь спасти несчастного маляра (по это-му поводу Зосимов и вспоминает слово «хлопотун» — 6, 105), хлопочет о своем друге Раскольникове и его семействе от начала и до кон-ца романа. Практическая сметка Разумихина позволяет ему успешно устраивать и собственные дела, и дела тех людей, о которых он забо-тится. В этом смысле показательна сцена, когда Разумихин отчитывается Раскольникову о покупке одежды для своего друга (6, 101–102). Как здесь не вспомнить трогательную заботу М. М. Достоевского, который, по свидетельству А. Е. Ризенкампа, «снабдил брата полным ремонтом белья и платья, столь дешевого в Ревеле»¹³.

Кстати говоря, вся сцена отчета Разумихина по ремонту платья для друга — одна из самых «улыбчивых» в романе. Разумихин несет те са-мые блестящие веселости, которые ценил автор в брате Михаиле. Он, ка-жется, единственный в романе герой, который скрашивает мрачную картину жизни мягким незлобивым юмором (куда как ядовитее Сви-дригайлов и Порфирий Петрович).

Простодушное, «школьническое», по выражению Раскольнико-ва, остроумие Разумихина в указанной сцене диссонирует с душев-ным настроением главного героя. Разумихин одолевает его своими ка-ламбурами: «...мы будем его руководить, то есть попросту его руку водить, он и подпишет», «...искал я этот Харламов дом, — а ведь вышло потом, что он вовсе и не Харламов дом, а Буха, — как иногда в звуках-то обманываешься!», «...тут, брат, у нас такая эмблема за-вязалась, что твоя алгебра!» (6, 94, 96, 97). Подобного рода шуточ-ки отпускал Михаил в письмах ссыльному брату, стараясь развеять мрачные мысли: «Это очень плохо (что нет денег. — В. В.). Но вот что хорошо. Сестра Саша думала, думала что тебе подарить и наконец надумалась: шубу. Вследствие этого просит меня взять деньги 100 р. с собой в Тверь и купить ее в Москве, т. е. шубу, а не Тверь. Она, т. е. сестра, а не Тверь, теперь выровнялась и стала славною девочкой, и потому от нее можно принять шубу»¹⁴. Характер «юмористически настроенного наблюдателя», соответствующий «уравновешенному

¹³ <Воспоминания о Ф. М. Достоевском в записях и пересказе О. Ф. Миллера> // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 188.

¹⁴ Письма М. М. Достоевского. С. 512.

и спокойному темпераменту» М. М. Достоевского В. С. Нечаева находит и в его прозе¹⁵.

Наконец, важнейшая параллель. О Разумихине в романе сказано: «Все любили его». А вот Достоевский пишет брату: «Помню твой уживчивый характер, который все любили». Почему все любили, почему Разумихину это удастся, а Раскольникову нет? А также, скажем, не удастся и Федору Достоевскому. Разумихин (как и Михаил Достоевский) *уживчив*, он естественная часть жизненного процесса, в котором Раскольников ощущает себя инородным телом. В отличие от своего высокомерного друга, он, не гнушаясь, сходится с его квартирной хозяйкой, с «греющим руки» Заметовым, не пренебрегает и знакомством с содержательницей борделя Лавизой Ивановной. «Брюзгливое» недоумение Зосимова по поводу беспринципности дружбы с Заметовым Разумихин резонно парирует: «Тем, что оттолкнешь человека — не исправишь <...>. Эх вы, тупицы прогрессивные, ничего-то не понимаете! Человека не уважаете, себя обижаете...» (6, 104). За этими словами — свои «принципы», отвергающие «тупую» бескомпромиссность ради более широкой и гибкой житейской, практической философии. Разумихин выражает ее в виде полушутливого, полусерьезного совета Раскольникову: «...если в январе спаржи не потребуешь, то несколько целковых в кошельке сохранишь» (6, 101). То есть не надо требовать от жизни больше, чем она может дать — вот, собственно, секрет его уживчивости. Разумихинский рассудительный оптимизм проглядывает в назидательности старшего Достоевского по отношению к младшему: «А главное, голубчик, не спеши. Жизни еще много впереди и Бог даст, мы еще насладимся ею...»; «Мало ли неприятностей в жизни. Надо сносить их хладнокровнее»¹⁶.

Примиряющая способность Разумихина проявилась и в его отношении к своим «прогрессивным» оппонентам (также выражая специфическую позицию журналистов братьев Достоевских): «Да и пусть врут: зато потом врать не будут...» (6, 148).

Важная для Достоевского тема истинной деловитости и высокого практицизма входит в роман именно с Разумихиным. Его-то автор делает носителем выстраданной братьями Достоевскими идеи (контр-идеи по отношению к Раскольникову): «Деловитость приобретается трудно, а с неба даром не слетает. А мы чуть не двести лет как от всякого дела отучены...» (6, 115), «...на даровщинку, поскорей, без труда! На всем готовом привыкли жить, на чужих помочах ходить, жеваное есть» (6, 118). Замечательно, что Разумихин («Вразумихин», как он себя однажды не без юмора аттестует — 6, 93) произносит сильные эти слова в ответ на программный тезис дельца Лужина о прогрессирующей ныне

¹⁵ Нечаева В. С. Ранний Достоевский: 1821–1849. М., 1979. С. 251. См. также: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». С. 20.

¹⁶ Письма М. М. Достоевского. С. 515, 521.

«деловитости». Тот и получает реплику не в бровь, а в глаз: «... тут видимо-невидимо привалило мошенников, а деловитости все-таки нет!» (6, 115).

Разумихин не стал, да, верно, и не станет «промышленником» Лужиным или поминаемым им же Чебаровым¹⁷, но такая опасность для него существует, и сам он признается Зосимову о «втягивающем» его «перинном начале» (6, 160–161), предвещающем мечту черта из «Братьев Карамазовых» «воплотиться в душу семипудовой купчихи» (15, 77). Уживчивость имеет свои границы, за которыми начинается обывательское прилаживание к обстоятельствам, абсолютизация комфорта. Такая возможность не исключалась и для М. М. Достоевского, о чем говорит следующий эпизод из переписки братьев.

Сомнение вкралось в душу ссыльного Ф. М. Достоевского, когда письма брата стали приходиться все реже, иногда через семь-восемь месяцев, да и те не удовлетворяли своим суховатым тоном. Обратившись к А. Е. Врангелю, Достоевский умоляет его по приезде в Петербург разузнать о брате: «Не охладел ли он ко мне! Не изменил ли он характера! Как грустно было мне это! Не обратился ли он весь в наживу денег и забыл всё старое?» (28, 216). В конечном счете все объяснилось осторожностью в характере Михаила Михайловича, быть может, его чрезмерной «осмотрительностью», отмечаемой мемуаристами¹⁸, и очевидной в его письмах к брату. Дружба братьев Достоевских в конечном счете только укрепилась в этих испытаниях и уберегла обоих от рисков, ожидавших каждого в силу тех или других природных потенций. «Сложному» Федору так нужен был уравновешенный, «простой» Михаил (в письме от 2/14 сентября 1863 г. он недоумевает по поводу отношений с Аполлиinarieй Сусловой: «Не понимаю как можно играть, путешествуя с женщиной, которую любишь»)¹⁹. Так многосложный Раскольников в романе уравновешивался простодушным Разумихиным.

Что же касается Разумихина, то в литературе о Достоевском ему не очень-то повезло²⁰. Задал направление И. Ф. Анненский в «Книгах отражений». Он писал, что будущее предприимчивого героя — «книжный склад»: «И кулачище же он стал, Дмитрий-то Прокофьич!»²¹ Недалеко от такого прочтения ушли позднейшие авторы. Так, один из них

¹⁷ О реальном прототипе — дельце Бочарове см.: *Викторович В. А.* Как стать литературным героем // Литературная учеба. 1985. № 2.

¹⁸ *Страхов Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 264, 269.

¹⁹ Письма М. М. Достоевского. С. 542.

²⁰ Немного места отведено ему в новейшем и наиболее полновесном комментарии к роману: *Тихомиров Б.* «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2016. С. 130–131.

²¹ *Анненский И.* Книги отражений / Изд. подг. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979. С. 185. (Сер. «Литературные памятники»).

«критицизму» Раскольникова противопоставляет «полное примирение с действительностью» Разумихина, а «избираемый им жизненный путь (издание книг и торговля ими) есть по существу приспособление к существующему укладу жизни — та самая “честная чичиковщина”...»²² Другой известный исследователь пишет: «Великая история о наполеоновской мечте <...> не могла завершиться счастливой судьбой торговца книгами»²³.

Судя по всему, Достоевский не знал такого высокомерного отношения к практическому делу книгоиздания и книготорговли, неизбежно связанных между собой. В романе Разумихин любовно говорит о них: «А уж насчет собственно хлопот по делам, типографий, бумаги, продажи, это вы мне поручите! Все закоулки знаю! Помаленьку начнем, до большого дойдем, по крайней мере прокормиться чем будет, и уж по всяком случае свое вернем» (6, 238). Разумихин выполнил свое обещание, встал на ноги, как сообщается в эпилоге. И что очень важно, он помогает осужденному каторжнику Раскольникову, а это, в общем-то, тоже параллель к отношениям братьев, потому что без материальной помощи Михаила, который посылал каторжному брату деньги, тому вряд ли удалось бы выжить.

Во второй статье о брате, которая называлась «За умершего» (1876), Достоевский говорит, что брат был действительно деловым человеком, но его «деловитость» не есть нечто предосудительное и несогласное с понятием о высокой нравственности: «Брат мой был человек высоко порядочного тона, вел и держал себя как джентльмен, которым и был на самом деле» (22, 134). Деловитость и порядочность могут и не противоречить друг другу. Эта мысль Достоевского ведет нас еще к одному любопытному его замечанию. Еще в 1861 г., при жизни брата, в одной из своих статей Ф. М. Достоевский рассматривал ситуацию, когда «друг человечества и *вправду* был спекулятор». Как соединяются — человечность и умение заработать? «В этом, — пишет Достоевский, — по-нашему, и дурного-то не очень много. Трудящийся достоин платы; это давно сказано. Представим себе человека благодетельного, сгорающего желанием добра, но бедного. Ведь надобно же и ему жить и кормиться от труда своего» (19, 51). Сказано как будто о брате и о себе. Такого рода диалектика (в духе пушкинского «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать») далеко не всегда улавливалась современниками,

²² *Евнин Ф. И.* Роман «Преступление и наказание» // Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959. С. 160. Прозвучало затем уточнение в том смысле, что Разумихин лишь к концу романа «превращается в трудолюбивого Чичикова» и потому в финале для автора «он перестал быть положительным человеком» (*Гасиева В. З.* Взгляд Ф. М. Достоевского на нигилизм в романе «Преступление и наказание» и в советском литературоведении // Вопросы истории и политэкономии. Орджоникидзе, 1974. С. 214–215).

²³ *Кирпотин В. Я.* Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. М., 1970. С. 280. По мнению исследователя, Разумихин — «полуславянофил», который постепенно превращается «в капиталиста, <...> в добродетельного Лужина» (Там же).

в особенности при столкновении частных интересов. Этими причинами, очевидно, вызваны были суждения о М. М. Достоевском-издатель «недооцененных» им авторов: он, мол, «просто кулак»²⁴ или даже «мошенник и барышник»²⁵. Защитой покойного брата от подобных инсинуаций (сопровождаявших едва ли не каждого успешного издателя в России) и была вызвана указанная статья Ф. М. Достоевского «За умершего» в апрельском выпуске «Дневника писателя» 1876 г.

Раскольников в конце романа поручает судьбу и сестры, и матери именно Разумихину, не только из-за его «чистого сердца», но еще и потому, что он «дело смыслит» (6, 239). Если вернуться к отношениям братьев Достоевских в организации издательского дела, именно Михаил взял на себя всю коммерческую, деловую часть и действительно сделал журнал «Время» доходным предприятием²⁶. О Разумихине в эпилоге романа сказано: «Дуня верила слепо, что он выполнит все свои намерения, да и не могла не верить: в этом человеке виднелась железная воля» (6, 414). А вот как писал Достоевский о брате за каких-нибудь полтора года до создания образа Разумихина: «Михаил Михайлович был человек настойчивый и энергический. Он принадлежал к разряду людей деловых, разряду весьма между нами немногочисленному, к разряду людей, не только умеющих замыслить и начать дело, но и умеющих довести его до конца, несмотря на препятствия» (20, 124).

Портрет Михаила Достоевского явственно проступает в образе Разумихина: в его горячей готовности к доброму делу, в его предприимчивости, в его упорстве, методичности, в его житейской сметливости. (Мих Мих — любовно звали его в семействе, Разумихин — фамилия как будто откликается на это прозвище). Нельзя пройти мимо еще одного обстоятельства. Семейные предания сохранили свидетельства о привязанности М. М. Достоевского к алкоголю. Его племянница Л. Ф. Достоевская пишет безапелляционно: «алкоголизм», «припадки запоя»²⁷.

²⁴ Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / Публ. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. С. 396 (письмо Н. Н. Страхова брату 25 июля 1864 г.).

²⁵ Письма М. Ф. Де-Пуле А. С. Суворину 18 февраля и 11 марта 1863 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3514.

²⁶ Этот неоспоримый факт опровергает инсинуации Н. Н. Страхова в адрес М. М. Достоевского как «неделового» и «непрактичного» издателя (см.: *Страхов Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. С. 263–264, 268–269), правда, с оговоркою: «Михайла Михайловича нельзя было считать человеком вполне непрактичным» (Там же. С. 269). Суждения эти несут в себе немалую долю лукавства: мемуарист «непрактичностью» издателя «Времени» объясняет падение журнала, в то время как главной причиной катастрофы был он сам, его журналистская бестактность. Как и 20 лет назад, Страхов вновь, по словам Ф. М. Достоевского, «говорил обиняком» (например: «... он оказался вдруг и без денег <...> деньги четырех тысяч подписчиков не могли же все уйти на первые четыре книжки журнала» (Там же. С. 264)), подмешав еще собственную «обидчивость и взыскательность» (24, 240).

²⁷ *Достоевская Л. Ф.* Мой отец Федор Достоевский. М., 2017. С. 58, 114.

Дочь Екатерина Михайловна «категорически отвергает алкоголизм своего отца, хотя она вместе с тем нисколько не скрывает того, что он далеко не чуждался спиртных напитков»²⁸. Так или иначе, но можно предположить, что этот мотив также нашел свое место в изображении Разумихина, когда он в третий раз появляется в романе — «горячий, откровенный, простоватый, честный, сильный, как богатырь, и пьяный» (6, 157). Автор замечает при этом, что «Разумихин почти никогда не мог допиться допьяна» (6, 148). В данном же конкретном случае сказала национальная слабость к дружеской пирушке: «...хоть они у меня там все пьяные, но зато все честные» (6, 156). Не та же ли ситуация в письме Михаила к Федору 27 января 1864 г.: «Вчера собралось у меня несколько приятелей: нужно было sprysнуть новый журнал, и мы подпили. Нынче, вследствие непривычки или простуды, у меня смертельно голова болит и маленькая дрожь»²⁹. Ср. в романе: Разумихин был «совершенно бодр и почти свеж, несмотря на ужасное количество выпитого в этот вечер вина» (6, 153). Литературный герой, как видим, несколько улучшенная проекция.

Алкоголь также оказывается для ранимого человека (вспомним, что говорил писатель о «впечатлительности» старшего брата) способом спрятаться от жизненных коллизий. Безнадёжно, как ему кажется, влюбленный в Дуню Разумихин весь на ладони перед знающим его Раскольниковым:

« — Смотри, ты запьешь! <...>

— Это так: я запью!» (6, 339).

Есть что-то общее в этой слабости у Разумихина с Мармеладовым (и тоже отчасти национальное). Так что первоначальный замысел под названием «Пьяненькие» (7, 5) мог иметь отношение и к нему.

От запоя Разумихина спасает Раскольников, возбудив у него надежду на ответное чувство Дуни, что и придает тому силы преодолеть известную слабость: «Пить не буду. Теперь не надо... врешь!» (6, 340). Здесь в качестве параллели можно еще раз вспомнить слова Ф. М. Достоевского, обращенные к брату: «Счастлив ты, что природа обильно наделила тебя любовью и сильным характером».

Но, разумеется, главный сближающий момент — это те идеи, которые выражает в романе Разумихин. Это прежде всего идея сочувствия живому процессу жизни. Можно сравнить то, что говорит в романе Разумихин, с тем, что высказывал М. М. Достоевский в письмах и в статьях, формируя программу «почвы». 9 ноября 1859 г. Михаил написал брату, что жизнь «между нами, впрочем, славная вещь и стоит труда, чтоб ею хорошенько заняться»³⁰. Через несколько месяцев в статье для журнала «Светоч» (1860, № 3) он понятием «жизнь» предложит

²⁸ Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. С. 95.

²⁹ Письма М. М. Достоевского. С. 546.

³⁰ Там же. С. 530.

измерять ценность произведений искусства: «Мало ли какая высокая мораль истекает из создания художника, мало ли какие мысли навеют на читателя или на зрителя его подробности. Чем жизненнее это создание, тем обильнее оно и этими идеями и этой моралью, потому что родник их есть всё же вечно сущая жизнь. Изображая просто жизнь, или даже малейшую частицу, одну капельку из этого беспредельного моря, искусство изображает и идеи, присущие этой частице, этой капле»³¹. Пафос критика-публициста здесь направлен против насильственной идеологизации, несовместимой с законами «просто жизни», что так свойственно было «новым людям», получившим имя нигилистов.

А вот как Разумихин полемизирует с теми же новаторами: «У них не человечество, развившись историческим, *живым* путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит всё человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути! <...> Оттого так и не любят *живого* процесса жизни: не надо *живой души!* Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна!» (6, 197).

В некрологе Достоевский подчеркивал, что брат относился к «людям, действительно одаренным жизненностью» (20, 121). Видимо, вот это начало *жизненности* прежде всего и определяло ценность его характера, особо значимую для его гениального брата, и было перенесено в образ Разумихина в романе «Преступление и наказание».

Писатель настойчиво возвращается к теме братства, вплоть до последнего романа «Братья Карамазовы». Братство — ключевое слово Достоевского. Его греет «светлая надежда, что хоть когда-нибудь в нашем страдающем мире осуществится братство» (26, 171). В отношениях братьев Достоевских этот идеал полнокровно реализовался в жизни и питал творчество. «Были бы братья, будет и братство» (14, 286), — так старец Зосима в «Братьях Карамазовых» выражает сокровенную мысль автора. Сравним с тем, что писал Достоевский еще раньше, в совместном с Михаилом журнале: «...что же делать социалисту, если в западном человеке нет братского начала <...>. Социалист, видя, что нет братства, начинает уговаривать на братство. За неимением братства он хочет сделать, составить братство. Чтоб сделать рагу из зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имеется, то есть не имеется природы, способной к братству, природы, верующей в братство, которую само собою тянет на братство» (5, 80–81).

Братство Федора и Михаила, их совместная издательская деятельность и борьба с житейскими невзгодами — пример той деловитости,

³¹ Достоевский М. М. «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л., 1990. С. 149.

о которой немало было сказано великим писателем. Эпоха шестидесятых годов была встречена им как время пробуждения нации от долгой спячки и перехода к активной деятельности. У Достоевского был свой угол зрения, который можно назвать этическим по преимуществу. Перед Россией в целом и перед каждым из ее граждан, полагал он, простираются разнородные поприща: дело, основанное исключительно на эгоистическом интересе, и дело, в котором участник находит высшее удовлетворение в самоотдаче на пользу общую. По первому пути уже двинулся Запад, поставив идеалом «начало единичное, личное, <...> требующее с мечом в руке своих прав» (5, 80–81), а за ним зашепила и Россия, где явилась армия «промышленников», «ходоков», «золотоискателей». Принцип «возлюби», заявляет Лужин, один из этой армии, упраздняется как «мечтательный и романический» (6, 115–116). Тип дельца выведен в романе не только в колоритной фигуре Лужина, за ним выстраиваются в стройные ряды промышленники Чебаров и Кох, скупщик краденого Душкин, книгоиздатель Херувимов. Все они имеют своих прототипов, в частности, последний сильно смахивает на А. А. Краевского, который, по словам Достоевского, «на свое литературное дело смотрел не как на дело, а как на *дела*» (20, 138–139).

К слову сказать, и М. М. Достоевский в своих произведениях, прозаических и драматических, склонен был отделять «деловитость» от «делачества»³².

Понятие *дела*, которое «очищает разум, формирует человека» (20, 180), становится ключевым в прозе и публицистике Достоевского, вплоть до призыва в Пушкинской речи: «... прежде всего потрудись на родной ниве», чтобы потом «в конце концов <...> стать братом всех людей» (26, 139, 147). Ввиду этой исторической перспективы и вставала волновавшая его проблема: «Всякая вновь появившаяся в обществе деятельность достигает наконец идеала в своих деятелях» (19, 52). Образ Разумихина приближает к решению этой проблемы.

В черновиках Достоевский предполагал значительно расширить сюжетное поле героя: он должен был встать на сторону Сони, защищая ее от оскорблений Дуни Раскольниковой, и тем самым принести в жертву свою любовь. Этот поворот, очевидно, нарушавший центростремительную стройность сюжета, остался неразработанным, но следы его обнаруживаются в следующем романе в отношении Мышкина с Аглаей и Настасьей Филипповной. Кое-какие черты Разумихина черновых вариантов — «благороднейшего и великодушного, но грубого буяна, много грязного видевшего бамбошера» (7, 155–156) — ведут к Дмитрию Карамазову. И в Мышкине, и в Дмитрие, столь несходных меж собой, есть что-то от разумихинского простодушия, соединенного с энтузиастичностью, но эти герои Достоевского — личности куда более

³² См.: Писцова А. З. Неизвестная комедия М. М. Достоевского «Мачеха» // Русская литература. 1973. № 4. С. 135–137.

сложные. Несмотря на известное пристрастие писателя к варьированию характеров, тип мудрого простака Разумихина в том именно виде, как он сложился в «Преступлении и наказании», в общем, не имел продолжения, оставшись своеобразным памятником М. М. Достоевскому.

Библиографический список

- Альтман М. С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов, 1975.
- Анненский И.* Книги отражений / Изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979 (сер. «Литературные памятники»).
- Баршт К. А.* Литературный дебют Ф. М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди / Изд. подгот. К. А. Баршт. М., 2015 (сер. «Литературные памятники»).
- Викторович В. А.* Как стать литературным героем // Литературная учеба. 1985. № 2.
- Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского: 1506–1933. М., 1933.
- Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / Ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л., 1930.
- <Воспоминания о Ф. М. Достоевском в записях и пересказе О. Ф. Миллера> // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Гассиева В. З.* Взгляд Ф. М. Достоевского на нигилизм в романе «Преступление и наказание» и в советском литературоведении // Вопросы истории и политэкономии. Орджоникидзе, 1974.
- Гроссман Л. П.* Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1935.
- Долинин А. С.* [Комментарии] // Достоевский Ф. М. Письма: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 4.
- Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / Публ. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования.
- Достоевский М. М.* «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. Л., 1990.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Дудкин В. В.* Михаил и Федор Достоевские: феномен братства // Достоевский и мировая культура. Альманах. СПб., 2010. № 27.
- Евнин Ф. И.* Роман «Преступление и наказание» // Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959.
- Кирпотин В. Я.* Разочарование и крушение Родиона Раскольников. М., 1970.
- Комарович В. Л.* Литературное наследие Достоевского за годы революции // Литературное наследство. 1934. Т. 15.
- Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время»: 1861–1863. М., 1972.
- Нечаева В. С.* Ранний Достоевский: 1821–1849. М., 1979.
- Письма М. М. Достоевского / Ред., вступ. ст. и коммент. А. С. Долинина // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1935.
- Писцова А. З.* Неизвестная комедия М. М. Достоевского «Мачеха» // Русская литература. 1973. № 4.

- Ризенкамф А.Е.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Страхов Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883.
- Тихомиров Б.* «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2016.
- Фокин П.Е.* «Брата моего я любил бесконечно...» // Неизвестный Достоевский: электронный научный журнал. 2014. № 1/2.

V. A. Viktorovich

“WOULD THE BROTHERS...”

(M. M. DOSTOEVSKY AS A PROTOTYPE OF RAZUMIHIN)

Key words: F. M. and M. M. Dostoevsky, novel *Crime and punishment*, Razumihin’s prototype, types of efficiency.

For the first time (except for the ill-founded assumption of M. S. Altman about I. Umnov) the question of Razumihin’s prototype in the novel *Crime and punishment* is raised. A number of identified parallels allows us to assert with confidence that the elder brother of the writer M. M. Dostoevsky “participated” in the formation of the character and life philosophy of this hero. “Gifted by life” — so Dostoevsky characterized him. Also important for the new Russia theme of efficiency received an artistic solution in this image.

References

- Altman M. S. *Dostoevskij po vekham imen*. Saratov, 1975.
- Annenskij I. *Knigi otrazhenij*. Moscow, 1979. (Ser. Literaturnye pamyatniki).
- Barsht K. A. Literaturnyj debyut F. M. Dostoevskogo: tvorcheskaya istoriya romana “Bednye lyudi”. *Dostoevskij F. M. Bednye lyudi*. Moscow, 2015. (Ser. Literaturnye pamyatniki).
- Viktorovich V. A. Kak stat’ literaturnym geroem. *Literaturnaya ucheba*. 1985. N 2.
- Volockoj M. V. *Hronika roda Dostoevskogo: 1506–1933*. Moscow, 1933.
- Vospominaniya Andreya Mihajlovicha Dostoevskogo. Leningrad, 1930.
- <Vospominaniya o F. M. Dostoevskom v zapisyah i pereskaze O. F. Millera>. *F. M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov*. Moscow, 1990. Vol. 1.
- Gassieva V. Z. Vzgljad F. M. Dostoevskogo na nigilizm v romane “Prestuplenie i nakazanie” i v sovetskom literaturovedenii. *Voprosy istorii i politekonomii*. Ordzhonikidze, 1974.
- Grossman L. P. Gorod i lyudi “Prestupleniya i nakazaniya”. *Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie*. Moscow, 1935.
- Dolinin A. S. [Kommentarii]. *Dostoevskij F. M. Pis'ma*. Vol. 4. Moscow; Leningrad, 1959.
- Dostoevskij v neizdannoj perepiske sovremennikov (1837–1881). *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 86: *F. M. Dostoevskij. Novye materialy i issledovaniya*. Moscow, 1973.

- Dostoevskij M. M. "Groza". Drama v pyati dejstviyah A. N. Ostrovskogo, *Drama A. N. Ostrovskogo "Groza" v russkoj kritike*. Leningrad, 1990.
- Dudkin V. V. Mihail i Fedor Dostoevskie: fenomen bratstva. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Al'manah*. N 27. St. Petersburg, 2010.
- Evnin F. I. Roman "Prestuplenie i nakazanie". *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo*. Moscow, 1959.
- Kirpotin V. *Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol'nikova*. Moscow, 1970.
- Komarovich V. L. Literaturnoe nasledie Dostoevskogo za gody revolyucii. *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 15. Moscow, 1934.
- Nechaeva V. S. *ZHurnal M. M. i F. M. Dostoevskih "Vremya": 1861–1863*. Moscow, 1972.
- Nechaeva V. S. *Rannij Dostoevskij: 1821–1849*. Moscow, 1979.
- Pis'ma M. M. Dostoevskogo / Red. A. S. Dolinin. *F. M. Dostoevskij. Materialy i issledovaniya*. Leningrad, 1935.
- Piscova A. Z. Neizvestnaya komediya M. M. Dostoevskogo "Machekha". *Russkaya literatura*. 1973. N 4.
- Rizenkampf A. E. Vospominaniya o Fedore Mihajloviche Dostoevskom. *F. M. Dostoevskij v vospominaniyah sovremennikov*. Vol. 1. Moscow, 1990.
- Strahov N. Vospominaniya o Fedore Mihajloviche Dostoevskom. *Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoj knizhki F. M. Dostoevskogo*. St. Petersburg, 1883.
- Tihomirov B. "Lazar'! Gryadi von": Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: *Kniga-komentarij*. St. Petersburg, 2016.
- Fokin P. E. "Brata moego ya lyubil beskonechno...". *Neizvestnyj Dostoevskij: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2014. N 1/2.